

DOI: 10.22250/2072-8662.2018.4.131-144

Забияко А.А., Цмыкал О.Е.

Религиозные искания писателей дальневосточной эмиграции: метаморфозы этнокультурной идентификации

Исследование поддержано грантом Амурского государственного университета. Название проекта: «Русские и китайцы в условиях межэтнических контактов XIX–XXI вв.: культурный, литературный, религиозный контекст»

Аннотация. В статье представлен анализ направлений религиозных поисков дальневосточной эмиграции (в первую очередь, писателей русского Харбина). Несмотря на доминирование православия и православной культуры, этот центр восточной ветви русской эмиграции исторически характеризовался поликонфессиональностью, религиозной терпимостью и тенденцией к культурной и религиозной синкретизации. Интерес к магии, оккультизму, спиритомании, присущий повседневной жизни простых харбинцев, сопрягался с панмистическими настроениями духовной элиты. Тяга к «запредельному» в сознании эмигрантских писателей воплощалась в разных формах и духовных практиках: от теософии и увлечения Н. Рерихом до астрологии, спиритизма и йоги. На материале творчества, переписки и воспоминаний Алексея Ачаира, Валерия Перелешина, Лариссы Андерсен авторы исследуют религиозные искания поэтов старшего и младшего поколения дальневосточной эмиграции.

Ключевые слова: русский Харбин, этнокультурная идентификация, поликонфессиональность, религиозный синкретизм, китайские религии, теософия, Агни-йога, «народное православие», пантеизм, йога, духовные практики

А.А. Забияко

О.Е. Цмыкал

Anna A. Zabiako, Olga E. Tsymkal

Religious Quest of the Writers of the Far East Emigre Community: Metamorphoses of Ethnocultural Identification

The research was supported by the grant of the Amur State University “Russians and Chinese in the Context of Inter-Ethnic Contacts of the 19th–21st Centuries: Cultural, Literary, Religious Context”

Abstract. The article presents an analysis of the directions of religious searches of the Far Eastern emigration (first of all, the writers of Russian Harbin). Despite the dominance of the Orthodox Church, this center of the eastern branch of the Russian emigration has historically been characterized by policonfessionalism, religious tolerance and a tendency to cultural and religious syncretisation. The interest in magic, occultism, spirituality, inherent in the daily life of ordinary Harbin people, paired with the pan-mystic sentiments of the spiritual elite. In the minds of émigré writers, the “transcendent” was embodied in various forms and spiritual practices: from theosophy and passion of N. Roerich to astrology, spiritualism and yoga. On the material of creativity, correspondence and memories of Alexei Achair, Valery Pereleshin, Larissa Andersen, the authors explore the religious quest of poets of the older and younger generation of Far Eastern emigration.

Key words: Russian Harbin, ethnocultural identification, polyconfessionalism, religious syncretism, Chinese religions, theosophy, Agni Yoga, “folk Orthodoxy”, pantheism, yoga, spiritual practices

Забияко Анна Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета; 675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; sciencia@yandex.ru

Anna A. Zabiako – Doctor of Philology, Full Professor, Head of the Department of Literature and World Arts, Amur State University; 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, Amur region, Russia, 675027; sciencia@yandex.ru

Цмыкал Ольга Евгеньевна – аспирант Амурского государственного университета, ассистент кафедры литературы и мировой художественной культуры АМГУ; 675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; olgatsmykal@yandex.ru

Olga E. Tsymkal – post-graduate student (Amur State University), Assistant at the Department of Literature and World Arts; 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, Amur region, Russia, 675027; olgatsmykal@yandex.ru

Основной тенденцией при характеристике религиозной жизни дальневосточной эмиграции, в частности, русского Харбина как исторически сложившегося центра русской культуры в Китае, становится указание на поликонфессиональность эмигрантской общины и акцент на доминировании православной культуры [Аблова, 2004; Забияко, Забияко, Лешошко, Хисамутдинов, 2015]. Вторым направлением, обозначающим своеобразие религиозных настроений русской эмиграции в Китае, логично выступает так называемый «ориентализм», увлечение Востоком в его китайско-маньчжурском изводе [Кириллова, 2015; Конталева, 2018].

Данная работа имеет целью не опровергать уже наработанные парадигмы, не предлагать альтернативные концепции, но обозначить проблему однозначного толкования многосложного и противоречивого феномена, каковым представляется религиозная жизнь русской эмиграции в Китае. Авторы опираются на уже имеющийся опыт изучения культурной жизни эмигрантского Харбина, отражённой в материалах периодики, мемуарах, художественных текстах, эпистолярных, интервью, архивах БРЭМ и т.д., и на новые источники. Фокусирование исследования на религиозных исканиях писателей русского Харбина объясняется тем, что настроения духовной элиты всегда в сгущённой, концентрированной форме отражают имплицитно развивающиеся тенденции в культуре.

Как известно, с 20-е гг. XX в. Харбин как центр КВЖД на довольно продолжительное время становится уголком дореволюционной России, «сказочно-утопическим пристанищем» для изгоев всех национальностей и всех вероисповеданий [Забияко, Эфендиева, 2009, 15]. Эта харбинская утопия, ситуация «безвременья», а для молодёжи – «безбудущности» [Забияко, Эфендиева, 2009] порождает самые разнообразные религиозные поиски – от ориентации на этнокультурную, национальную (вплоть до национализма) традицию до самых невероятных, далёких от исконно русских, духовных практик [Забияко, Крыжанская, 2009; Конталева, 2018].

В Харбине все конфессии существовали мирно, действовали храмы разных религиозных общин – мечети, синагоги, католический храм, но православных храмов было несравнимо больше – около 24 [ГАХК. Ф. 831. Оп. 1. Д. 29. Л. 36–76]. Православие либо ориентированность на православную культурную традицию для многих бывших граждан Российской империи (до эмиграции, возможно, не считавших себя русскими) стали способом сохранения либо утверждения этничности [Забияко, Забияко, Лешошко, Хисамутдинов, 2015]. Празднование православных праздников, культура посещения православных храмов определяли духовную жизнь большинства населения русского Харбина – а это и были в преимущественно русские, согласно историческим сведениям [Аблова, 2004; Забияко, Забияко, Лешошко, 2015]. Подтверждением данному тезису становятся публикации в газетах и журналах, приуроченные к праздничным дням, например: «Русская эмиграция в Харбине сохранила верность всем красочным старым русским обычаям, из которых наиболее импозантным, несомненно, является крестный ход на Иордань и водосвятие в Сунгари. Величественное зрелище Иордани неизменно собирает многотысячную массу эмигрантов и привлекает множество корреспондентов иностранных газет и журналов, и толпы местного маньчжурского и ниппонского населения, любующегося редкостным зрелищем» [Упшинский, 1936; Зиненко, 2018].

Об укоренённости в православной традиции и о тёплых чувствах, пробуждаемых в православные праздники, с большим вдохновением пишут не только сугубо православно ориентированные журналисты и писатели (М. Колосова, О. Тельгофт, Б. Камский, М. Аргунский [см., напр.: Аргунский, 1928] и др.), но и весьма далёкие от религиозных сентенций в целом – например, Арсений Несмелов [Эфендиева, Зиненко, 2015].

Однако при этом Алексей Ачаир – казачий офицер, белопоходник, патриот, в стихах воспевающий «Святую Русь», «Золотую Русь», является русским секретарём ХСМЛ в Маньчжурии¹ [Дубаев, 2009]. Будучи также членом масонской ложи Розенкрейцеров, он увлекается Рерихом и его Учением Живой Этики, становится членом Русского Комитета Пакта Рериха и Знамени Мира в Харбине [Дневник, 2015, 238]. Откликом на увлечение Н. Рерихом и результатом сообщения с Г. Гребенщиковым стала организация Ачаиром «Молодой Чураевки», выработка её идейной платформы

[Забияко, 2015, 196–223]. Рерихианство А. Ачаира стало одним из определяющих направлений его жизнетворческой концепции, сформировало отношение к миру и людям.

Ещё одним известным апологетом учения Н. Рериха являлся писатель Альфред Хейдок. Как известно, А. Хейдок был воспитан в лютеранской традиции. Но, следуя внутренним импульсам, личному религиозному опыту [Забияко, 2015, 227–242], в Харбине становится уверенным последователем Агни Йоги и рерихианцем. Будучи верен своему Учителю до самого конца, верный ученик смог пронести подаренный Рерихом талисман – кольцо с малахитом – через все испытания лагерями и ссылками. Оказавшись на свободе уже глубоким стариком, но получив возможность писать, Хейдок продолжает начатое в «Звездах Маньчжурии» (1934) [Хейдок, 1934] – и в художественном слове проповедует Учение Живой этики [об этом см.: Забияко, Крыжанская, 2005, 179–190; Забияко, 2016, 274–282].

Явно противоречивая религиозная ориентированность столь цельных нравственно и идеологически натур, как Алексей Ачаир и Альфред Хейдок, свидетельствует, скорее, не об исключении из правил, а определённой тенденции, характерной не только для отдельных личностей, но в целом – культуры русского Харбина.

Один из авторов данной статьи уже неоднократно обращался к проблеме взаимосвязи популярности учений Е. Блаватской и Н. Рериха и панмистицизмом харбинской культуры [см.: Забияко, 2009; Забияко, Землянская, 2013, Забияко, 2016].

Интерес к теософии, укоренённый в харбинской культуре, был следствием привезённой ещё из дореволюционной России спиритомании и помноженной на неё хиромантии, увлечение которыми в суровые годы эмиграции всемерно усилилось [Забияко, Крыжанская, 2009]. Если теософское учение необходимо было серьёзно изучать (о чем свидетельствует тот же В.А. Слободчиков [Слободчиков, 2005, 62–63, 168]), то спиритов харбинская повседневность производила по мере востребованности – подтверждением тому служат многочисленные объявления и публикации в газетах «Заря», «Копейка» и журнале «Рубеж» [Забияко, Крыжанская, 2009]. К примеру, объявления, расположенные на страницах газеты «Заря» четыре номера подряд, гласили: «Хиромант-окультист М. Тарновский. Научно определяю прошедшее. Руковожу настоящим и предостерегаю в будущем. Веду беседы по оккультизму (телепатия, гипноз и самогипноз). Составляю гороскоп» [Заря, 1929, 16]. В фешенебельном отеле «Модерн» наряду с прославленными знаменитостями – С. Лемешевым, А. Вертинским, Ф. Шаляпиным, практически на постоянной основе снимали номера практикующие спириты и хироманты.

Детальный анализ публикаций еженедельного «Рубежа» (1926–1945) [Конталева, 2018] позволяет судить о том, что не только эмигрантские журналисты уловили мистическую настроенность читателей самых разных предпочтений и религиозных ориентаций – домохозяек, чиновников, бывших военных, служащих, студентов. Маститые писатели, публикующиеся в этом самом востребованном эмигрантском сообществе издания (А. Несмелов, В. Рамбаев, Б. Юльский и др.), следовали духовному запросу публики и практически «на заказ» сочиняли рассказы о встречах с «запредельным», об общении с духами и о тайнах ясновидения [Конталева, 2018]. Редакторская политика «Рубежа» в целом отвечала и следовала панмистическим устремлениям культуры дальневосточной эмиграции – даже перепечатки рассказов из зарубежных изданий в большинстве случаев свидетельствуют о востребованности у читателей именно такого рода произведений, связанных с оккультными практиками, спиритизмом, гаданиями, египтоманией и т.д. [Конталева, 2018].

При этом так называемый «ориентализм» в религиозной сфере [Конталева, 2018] у эмигрантов, живущих на самом что ни на есть Востоке – в сердце Маньчжурии, носил весьма специфический, именно «ориентальный» в смысле его европейского понимания, экзотический характер. Как известно, китайский язык (не говоря о маньчжурском) учили единицы – те, кто родился в русско-китайских семьях, либо те, кто планировал заниматься китаеведением.

Позднее, после прихода японцев, детей стали обязывать учить в школе японский язык. Хотя в данной статье мы говорим о времени, когда Харбин ещё был практически русским и его жители не стали разъезжаться по городам, странам и весям,

то есть о Харбине до 1932 г., всё же подчеркнём – принудительное изучение японского отнюдь не способствовало увлечению японской культурой и религиозными практиками.

Языковая изоляция русскоязычного населения Харбина была общим следствием индифферентного отношения к китайской культуре. Это при том, что в Харбине Китаеведение было поднято на научный уровень [Хисамутдинов, 2013]. Китай эмигрантов если и интересовал, то только по известной русской «любви к дальнему», – далёкий, южный, недосыгаемый. Классик китайской литературы, Цюй Цюбо, фиксирует в своём биографическом повествовании воспоминание о встрече с харбинцами. Живя в Харбине, его собеседники сетуют на то что «в Китае не были» [Цюй Цюбо, 1979; об этом: Забияко, Сенина, 2017].

Что же говорить о «чужих богах»... Именно с такими интонациями и в таких определениях описываются в публицистических заметках и очерках, а также в художественных произведениях, как правило, религиозные культы и духовные практики китайцев и маньчжуров [об этом: Эфендиева, Родионова, 2015]. «Чужих богов» следует чтить, уважать «чужую веру», поругание святыни невеждами карается непременно и крайне жестоко (Н.А. Байков «Страшная месть», М. Щербаков «Корень жизни», А. Хейдок «Безумие жёлтых пустынь», А. Ачаир «Тайна северной тайги» и т.д.). Религиозные традиции китайского населения вызывают интерес у эмигрантов, они кладутся в основу художественной этнографии дальневосточной эмиграции [см., напр.: Байков, 1914, Шкуркин, 1924], но, как правило, не влекут за собой духовные практики.

Исключением, возможно, является всё тот же Алексей Ачаир, более, чем кто-либо из его окружения, оказавшийся способным проникнуться духовным опытом китайской традиции. Китайская исследовательница Ли Иннань, комментируя стихотворение «Ханьчжоу», отмечает: «С огромной эмоциональной силой передано растворение в нирване у А. Ачаира...»:

И был только он – только отдых. И сон, и полет
 в беспредельность,
 и скрипки, и лютни, и цитры, и радостный крик
 окарины,
 и дрожь трепетавшего гонга, и млечность,
 и вечность, и цельность,
 и – облачный ладан, и звезды, и путь в поднебесье
 орлиный
 («Ханьчжоу, 1939) [Ли, 2002, 277].

Подобные поэтические «проникновения» в инорелигиозный духовный опыт не случайны. Ачаир вырос на Тай-Шане, где скрестились судьбы самых разных народов и религий – мусульман, буддистов, православных, старообрядцев. Потому бывшему казачьему есаулу так легко давалось это погружение в инокультуру – это соответствовало его жизнестроительной концепции.

Позднее, благодаря приобщению к двум «священным текстам» китайских религий – «Лунь Юй» и «Дао Дэ Цзин», Ачаир изживает свой личный душевный драматизм. В 1937 году у поэта выходит сборник стихотворений «Лаконизмы», где в полной мере отразился его интерес к китайской философии, неотделимой от религиозных практик. Книга включила 52 стихотворения так называемой сверхкраткой формы, каждое из которых представляло лаконичное выражение либо философского суждения, либо некоей духовной максимы [Забияко, 2005, 132].

Атеизм

Так. Бога нет. Но есть –
 закон и честь,
 добро, любовь... и жизнь всего живого...
 – Чудак какой! Бежишь трусливо слова:
 «Добро..., любовь...» – так это Бог и есть [Ачаир, 1937].

Подобное погружение в китайскую традицию, очевидно, было органично для всеприимчивого Ачаира.

Но – призванный стать наставлением (не случайно «Лаконизмы» были изданы в форме маленькой карманной книжицы, подобно той, какую берут с собой странствующие монахи), сборник не был оценён по достоинству харбинской читающей публикой. Как, в принципе, и его рерихианские интенции, лёгшие в основу формирования «Чураевки», не были ранее восприняты его питомцами [об этом см.: Забияко, 2016, 136–166].

Воспоминания, письма, художественные тексты молодого поколения русских харбинцев свидетельствуют об определённом разброде в умах и религиозном эклектизме эмигрантской поросли. Причины тому были всё те же – многоконфессиональность харбинского общества, довольно лояльная позиция православной церкви по отношению к экуменистическим и «сектантским» движениям [Дубаев, 2016], свобода духовного поиска, которой отличался русский Харбин, но самое главное при этом – отсутствие сколько бы ни было крепких жизненных опор, в которых поколение выросших без родины детей так остро нуждалось.

Многим из пасынков эмиграции выпала доля не просто в малом возрасте оказаться либо родиться на чужбине, но постоянно менять насиженные места, обустриваться и вновь мигрировать. Поначалу в Шанхай, Тяньцзинь, а затем – по странам и континентам. Отсюда – отчаянные поиски «запредельных откровений», иногда в синкретическом единстве с усвоенным в детстве православием.

Подобная вера в «запредельное» весьма ярко запечатлена в одном из писем Марии Павловны Коростовец (дочери известного китаевода, русского консула в Монголии П.С. Попова), натуры, крайне увлечённой «панмистическими» идеями, к В. Перелешину. Речь идет о случае, произошедшем с бывшими чураевцами уже в Шанхае после трагической смерти Николая Петереца: «Самое яркое, что у меня осталось от наших собраний, это – помните? – первая пятница после смерти Николая Петереца, когда мы втроем – Ларисса, Вы и я – накрывали на стол и без сговора поставили лишний прибор «для Коли», и в этот момент в окно раздался стук ногтей (помните, у него были длинные холеные ногти?), и Ларисса сказала – это он! Вы пошли и открыли ему дверь. А, кажется, я сказала: “Если это Вы, подайте знак!” И электрическая лампочка потухла и вспыхнула, потухла и вспыхнула...» [Забияко, Крыжанская, 2009, 181–182].

М.П. Коростовец фигурирует и в автобиографическом произведении В.Ф. Перелешина «Два полустанка», где он рассказывает о собственном опыте соприкосновения с мистическим, теперь уже – с астрологией: «Лично я в астрологию верил не больше, чем в алхимию – до тех пор, пока Мария Павловна (Коростовец) не вызвалась составить мой гороскоп, причём, рассказав о важном и значительном, не произнесла задумчиво:

– А через две недели у вас будут нарывы на правой руке.

Дней через десять после этого разговора я бродил вечером в парке Бэй-гуаня с моими учениками, китайцами. Неподалёку от могилы Д.Л. Хорвата (у храма Мучеников) наступил на сухое деревцо, которое кто-то бросил поперёк тропинки, причём поцарапал кисть правой руки. Только через три дня, когда на руке образовались нарывы, вспомнил я о предсказании Марии Павловны. А руку пришлось бинтовать» [Перелешин, 1989].

Это событие стало для поэта поводом написать стихотворение «Мой гороскоп»:

Вещает мне язык небесных литер,
Что в этот мир пришёл я в час, когда
На небо мудрый восходил Юпитер,
Достойная и щедрая звезда.

На западе, в двуликом знаке Рака,
Стояли рядом Солнце и Нептун,
Глашатая возвышенного брака
Двух жребиев и двух созвучных струн.

И там же стал расчётливый Меркурий,
Лукавый враг и Марсу, и Луне:
Все черные бессонницы, все бури
За их вражду судьба сулила мне... [Перелешин, 1989].

У самой Коростовец есть стихотворение, сходное по тематике, под названием «Астролог»:

Плывут года над башней астролога...
На полках книги разместились строго,
Нахохлилась сова и зябнет кот;
В трубе подзорной тот же небосвод
И так же блещет Млечная Дорога... (1943) [Коростовец, 1973, 114].

Ещё один случай, связывающий воедино астрологические штудии Марии Коростовец и В.А. Слободчикова, человека трезвомыслящего, описан В. Перелешиным весьма двусмысленно: «Году в 1944-ом был я вместе с Марией Павловной Коростовец приглашён обедать к Воле Слободчикову и Ольге Тельтофт. Обед был отличный, но сам хозяин не ел ничего. Грустно хлебал рисовый отвар.

– У меня давно уже колит, – объяснил он. – Я перепробовал десяток врачей. Каждый запретил мне есть то или иное. Один строжайше запретил мясо, другой – молоко и яйца, третий – хлеб и овощи. Я никому не верю, но из предосторожности соблюдаю все их запреты. Последние две недели я так ослабел от болезни, что, кажется, ещё немного, и...

Мария Павловна вызвалась составить гороскоп («Эфемериды») всегда имела при себе) и объяснить, что происходит.

– Да, правда, Владимир Александрович. У вас в шестом доме – доме здоровья – долго болтался Сатурн. И он ходил то взад, то вперед. Совершенно вас измотал. Но вчера Сатурн вышел из вашего дома здоровья. А теперь вы так слабы не от болезни, а от истощения. Мой вам совет: сейчас же просите Ольгу Ярославну сделать вам хороший стэк с жареным картофелем. И непременно выпейте стакан красного вина...

Воля счёл, что терять ему было нечего, и согласился.

Через четверть часа он с волчьим аппетитом съел огромный стэк с картофелем и огурцами, выпил стакан красного вина. Повеселел, засиял своими синими глазами.

– Спасибо, Мария Павловна. Я давно не чувствовал себя таким здоровым, как сейчас» [Перелешин, 1989]. Читатель может теряться в догадках, что же спасло недомогающего Слободчикова: звезды или здоровая пища вкупе с бокалом красного вина?

Если М.П. Коростовец была натурой экзальтированной и увлечённой, и её «панмистические настроения» кажутся вполне закономерными, то Валерий Францевич Перелешин представляет собой интересный пример двойственного отношения не только к оккультизму, но и к восточной философии. Перелешин знал китайский язык. Будучи православным монахом, он всерьёз занимался изучением китайской философии и культуры, результатом чего явился перевод даосского трактата «Дао дэ цзин» (а также множество переводов китайской поэзии) [Пышняк, Эфендиева, 2013, 256–266; Эфендиева, Пышняк, 2014, 136–140]. Правда, в монастыре В. Перелешин не задержался (очевидно, по причине своей неудержимой греховной страсти), идеями даосизма также не особенно проникся, судя по его письмам, воспоминаниям и репликам в адрес друзей поэтов. Но – несмотря на насмешки над теософией и её апологетами (в том числе Е. Блаватской, учение которой он определял как «блево-тизм»), поэт верил в астрологию.

Снисходительно (а втайне – положительно) воспринимая мистические воззрения Марии Коростовец, Валерий Францевич, однако, довольно саркастично говорит об увлечении поэта Михаила Волина йогой: «В Шанхае он (Волин) свёл дружбу с Евгенией Васильевной Петерсен (будущая Индра Деви – прим. авт.)... Через короткое время состоялся большой приём у Таисии Павловны Жаспар (её муж занимал настоящий дворец, полный предметов искусства и всяческой роскоши). Для

забавы гостей Мифа был обряжен индусом: в чалме и шелках; для большей смуглоты даже был вымазан какой-то краской....

С того момента указанная Таисия Павловна влюбилась в Волина, написала с него десятки картин (в том числе изобразила его на иконе в образе св. апостола Иоанна Евангелиста)» [Перелешин, 1989].

Однако, сколько бы ни иронизировал Перелешин по поводу Волина, для последнего йога не была пустым увлечением: в Шанхае Волин руководил школой гимнастики и йоги, а позже написал 8 книг по хатха-йоге в соавторстве с некой Нанси Фелон [Михаил Волин, <http://www.unification.com.au/articles/1096/>].

Интерес к восточной философии у М. Волина выражался и в стихах:

Побудь с собой наедине,
Уйди в себя на час.
И словно в сладком полусне,
Не открывая глаз,

Глядися пристально в себя
И ты тогда поймёшь
Всё то, что мучило тебя,
Всю суету и ложь...

[Михаил Волин, <http://www.unification.com.au/articles/1096/>].

Панмистицизм харбинской культуры, помноженный на интерес к Востоку и укоренённость в православной культуре, отразился в мировосприятии одной из самых известных поэтесс русского Харбина Лариссы Андерсен – чураевки, ученицы А. Ачаира, в которой он видел «много Света» [Андерсен, 2006, 352–353]. Религиозно-философские искания поэтессы в целом были чрезвычайно интересны и разнообразны. Крещёная в православии, Андерсен восхищалась красотой китайских храмов, серьёзно изучала йогу, интересовалась дзэн-буддизмом. Судя по письмам, воспоминаниям и художественным текстам Андерсен, понятие «Бог» было для неё достаточно абстрактным. В её представлении это был не Иисус, не Яхве, не Шива – это был кто-то, кто стоит надо всеми, влияет на судьбы, карает и прощает, но «лица» у него не нет [Андерсен, 2006, 336]. Истоком такого своеобразного индивидуального духовного синкретизма является внутренняя пантеистичность, позволяющая поэтессе воспринимать мир и себя в этом мире как единое целое.

Андерсен была одной из немногих чураевцев, кто смог проникнуться религиозным чувством жизнестроения в «Духе Жизни, Света и Любви», двигавшим Ачаиром всю его жизнь [Забяко, Забяко, Лешовко, Хисамутдинов, 2015]. Ларисса вспоминала, как во время визита Н.К. Рериха в Харбин Алексей Алексеевич представил её знаменитому мистика. Заразившись восторгом своего учителя, Ларисса Николаевна позже написала Рериху письмо с просьбой взять её в экспедицию, но детской мечте не суждено было осуществиться. Зато позже, в Индии, жизнь свела Лариссу Николаевну с сыном Н.К. Рериха – Святославом Николаевичем, с которым она в дальнейшем вела переписку. Правда, Агни-йога не стала для Лариссы Николаевны той «путеводной звездой», которой она была для её Учителя – веря в искренность Ачаира, поэтесса воспринимала идеи рериханства весьма отвлечённо. Нельзя, однако, отрицать, что встреча с Николаем Константиновичем Рерихом повлияла на формирование мировоззрения молодой поэтессы, с детства склонной к пантеистическому восприятию окружающего мира и религиозно-философскому поиску [Цмыкал, 2018].

Подтверждением этого являются очерки Лариссы Николаевны, посвящённые Китаю и Корее. Прожив добрую часть своей жизни в Китае, Ларисса Николаевна не проявляла особого интереса к религиозно-философской жизни этой страны, однако она интуитивно уловила «дух» китайской философии. В очерке «Кое-что о Пекине» Андерсен пишет: «Вы можете беспрепятственно и подолгу смотреть на эти вот исполинские ивы, знающие не меньше, чем Будда, закрытый в храме. И даже ясно видеть очертания старческих лиц в их корявых стволах. Недаром китайцы верили, что в старых деревьях живут духи...» [Андерсен, 2006, 290].

Деревья не только приобретают в глазах автора антропоморфные черты, но и приравниваются к божеству – Будде. Известный синкретизм, присущий китайскому религиозному сознанию (смешение народных верований и традиционных религиозно-философских учений – даосизма, конфуцианства, буддизма), находит отклик в сознании Андерсен. Действительно – спросив китайца, какую религию он исповедует, можно услышать в ответ, что он считает себя буддистом, затем увидеть, как он же поклоняется Конфуцию и при этом оставляет символическую «жертву» (купюру достоинством от юаня до десяти) в маленькой кумирне на горном склоне, задабривая духов гор. Эту особенность китайской культуры поэтессе было несложно прочувствовать – ведь и сама она не вполне понимала, во что именно верит, бог был для неё фигурой размытой [об этом, напр., см: Андерсен, 2006, 336–337], взаимодействие же с природными силами она ощущала гораздо более органично.

Потому в садах Пекина Ларисса Андерсен переживает почти религиозный опыт: «...Я вдруг почувствовала, что из меня словно вытекла вся душа. Утекла куда-то туда, где только и есть что снежно-белая верхушка пагоды, тихо, сквозь сон позвякивающая от ветра металлическими колокольчиками» [Андерсен, 2006, 289].

Подобные особенности мировосприятия проявляются и в очерках, посвящённых Корее, которая была наиболее близка Лариссе из дальневосточных стран (возможно, это было обусловлено особенностями самой страны, а возможно – тем, что здесь она была окружена любящими её друзьями и имела возможность отдыхать, ни о чем не думая). «Сокровищница радости» – так называет поэтесса Корею. Слово «радость» рефреном звучит в абзаце, посвящённом описанию этой страны: «Прозрачные ручьи, звенящие в горах – это радость. Запах хвои и прикосновение ветра, слетающего с вершины – это радость. Неизбыточная, неисчерпаемая радость земли, которая, несмотря ни на что, будет главной насущной радостью для тех, кто когда-то вдохнул её, приняв всем своим существом, всем своим сердцем, глазами, босыми ногами и кожей. Природа принимает в свой обширный храм неограниченное число исповедующих её радостную и простую религию...» [Андерсен, 2006, 284].

Очевидно, что «радость» в данном контексте – практически религиозный концепт, воссоздающий растворение в религии природы, религии самой первобытной и естественной... Повторение слова (ненавязчивое) создаёт эффект «зааминивания» в молитве или заговоре. В горах Кореи лирической героине также видится образ «зелёного» божества: «Вот – зелёный бог, увенчанный нежной хвоей лиственницы, сидит на вершине новинской горы и смотрит вниз, где в долине пенистой реки копошатся люди, уставшие от города и приехавшие к нему на поклон» [Андерсен, 2006, 284].

Дубы, ели и сосны, что оживали когда-то в воображении и танцах юной Лариссы, так и остались для неё одушевлёнными, полными тайны и волшебства. Неудивительно, что в восточных землях эти образы – образы божеств природы – проявились в её сознании особенно ярко.

В период своей шанхайской жизни Л. Андерсен начинает постигать учение йоги, а затем преподавать его. Обращение к йоге вполне объяснимо, если принять во внимание все трудности, с которыми ей пришлось столкнуться в «шанхайский» период. Молодой женщине, неустанно работающей, не чувствующей стабильности, необходима была отдушина, духовная альтернатива внешним обстоятельствам. Страсть поэтессы к танцам, вероятно, тому также способствовало. Танец для Андерсен был не только способом самовыражения – способом существования: «Это живёт в теле, и это приятно вытанцовывать» [Хисамутдинов, 2006, 429–437]. В индуизме танец является не только важной составной частью религиозных культов, но и органичным компонентом индийской культуры в целом. Хатха-йога, в которой одну из ведущих ролей играют физические упражнения, гибкость и пластичность, была воспринята поэтессой очень органично.

Одним из учеников поэтессы становится её будущий муж, француз Морис Шез. По долгу службы Морису приходилось часто переезжать с места на место (разумеется, вместе с супругой). Первым же пунктом назначения четы стал Мадрас. В Индии Ларисса Николаевна прожила 3 года – и была очарована экзотической страной: «В Индии – красота. Небо такое, что, кажется, звезды можно прямо взять. Они висят,

как светильники. На закате, около Мадраса, море зеленоватое. Выходит луна – женщина в красном сари. И храмы смотрят не в море, а в вечность» [Росов, 2004, 79].

В свой «индийский период» Андерсен посетила о. Цейлон. Её лирическая героиня-пантеистка передаёт ощущение всепрятия разнообразных пространств и мифологий, навеянное, безусловно, «крайским» ландшафтом Цейлона:

А на самой высокой из гор,
 Что в Цейлоне видна отовсюду,
 След ступни с незапамятных пор:
 Это – Вишну, Адам или Будда
 (в общем, кто-то большой и святой...)
 Так и выбрал: уж если не рай,
 То, конечно, Цейлон, не Аляску,
 А потом он уехал в Китай
 По делам... Прилетай, моя сказка! [Андерсен, 2006, 153–154].

По буддийскому преданию, Будда оставил след своей левой ноги на вершине горы Шрипада («Священный след») [Адамова вершина, <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%90%D0%B4%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%B0>]. Некоторые христиане верят, что «след» был оставлен Адамом, когда тот ступил на землю после изгнания из Эдема – отсюда второе название горы, «Адамов пик». Для индусов же это – след бога Шивы. Такой синкретизированный религиозный образ, как мы видим, был воспринят поэтессой очень органично. Не вдаваясь в религиозно-конфессиональные тонкости, она, как бы походя, уточняет, что столь притягательный ландшафт создал «в общем, кто-то большой и святой». В стремлении рассказать адресатке стихотворного послания как можно больше, автор даже путает имена богов: вместо Шивы в стихотворении появляется Вишну.

Поэтесса прожила в Мадрасе 3 года. Здесь она познакомилась с философом Кришнамурти и учителем Кришнамачарья, здесь произошло и её знакомство со Святославом Рерихом и его женой, красавицей-актрисой Девикой Рани [Калиберова, http://iimc.dvfu.ru/documents/210702/110529987/VK_article10.pdf/]. Встреча Лариссы Николаевны с Джидду Кришнамурти² произошла в Адьяре, куда философ приезжал каждый год из Америки и давал публичные выступления в Теософском Обществе. При встрече Ларисса Николаевна задала ему вопрос, мучивший её всю жизнь: «Почему в мире Бог создал столько жестокости?» [Росов, 2004], на что учитель ответил ей: «А другого мира нет». Вопрос, заданный Андерсен Кришнамурти, переключается со строками из её письма Ю.В. Крузенштерн-Петереку: «Если смерть моего рыженького Ульриха (кота – *авт.*) могла помочь человеку, то это утешает, но, Мэри, скажите, кто этим “занимается”? Бог, которого надо питать жизнью его созданий? После христианства с его “Отче наш”, с Пастырем добрым <...> тот страшный Бог Авраама, Исаака и Иакова – совершенно неприемлем... А между тем сам Христос должен был принести себя в жертву? Кому? Совершенно непонятно и страшно. И жертвы этому Кому-то всегда приносились и приносятся. Может быть, это Шива? Шива, который разрушает, потому что надо созидать новое, и все это держит какое-то равновесие в целом» [Андерсен, 2006, 336].

Подобная рефлексия телеологии «божественного промысла» сопровождала Лариссу на протяжении всей жизни, сочетаясь с ироническим отношением ко всему «слишком», связанному с религиозными чувствами. Так, будучи увлечённой йогой, испытав опыт преподавания йоги в храмах Сайгона, Андерсен весьма комично описывает внешние формы йоги, превращающейся в индустрию. Про чураевского друга Михаила Волина и Индру Дэви – свою приятельницу, ставшую первой женщиной-йогом, Андерсен напишет В. Перелешину: «Получила очень смешную фотографию (газетную вырезку), где изображён Мишка Волин в йогском облачении, и он теперь какой-то Кармананда, что ли, и ездил на съезд йогов в Индию. Может быть, это и вовсе не смешно, человек имеет право сделаться йогом за столько лет, но мне смешно, оттого что я помню его как Мишку. (Прислала пианистка Лида Сарычева).

Ещё получила от Индры Деви тоже смешную (между нами) карточку к Рождеству. Там написано по-английски “мир на земле” и фотография: она и Сайи Баба³, причём у Индры совершенно размякший и умилённый вид, а у Сайи Баба на голове целый колтун волос. Я пишу как дура (не как Нора), ведь и Вы носили рясу, что же тут смешного? И я отовсюду слышу, что этот Сайи Баба, действительно, не то святой, не то гипнотизёр, но Индра совсем “живёт сначала” с тех пор, как его встретила. А поехала она его повидать просто из любопытства, как раз после того, как гостила у меня в Сайгоне. Теперь сигает в Индию каждые полгода, хорошо, что она как-то устраивается благодаря своему Центру. Вы знаете об этом Центре? Ещё одну я видела в Гонконге, после визита к Сайи Баба, у неё глаза как фонари, и как будто он в ней сидит. А я тут хихикаю. Это я заразилась от таитян, они от всего хихикают (25 января 1968, Таити)» [Лучшие песни, 2011, <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1732>].

При этом она весьма органично сочетает йогу, православную часть религиозности и католическую: «Сегодня (я дописываю уже 10-го) Пасха. Ничего Пасхального у нас нет, Морис никаких обычаев не любит, папы нет. Всё же, единственная русская, кот<орую> я знаю в Сайгоне (Женя Астахова), принесла крашенные яички. И сегодня я пошла в катол<ическую> церковь. Церковь была полна, но европейцев было не больше десятка. Служба идет по-вьетнамски. От пения, от многих вьетнамок в трауре стало очень грустно. А вокруг – Пасха, или нет, – погромыхивает.

И все же, Христос Воскресе.

Пасха. 9 Апреля 1966, Сайгон» [Лучшие песни, 2011, <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1732>].

Своё отношение к православию Ларисса логично соотносит усвоенной с детства харбинской привычкой – будучи уже глубоко пожилым человеком, стоя во время пасхальной службы, возвращается мыслями к тем далёким годам: «Пришла весна, ещё холодная, нерешительная, но, кажется, немножко всё-таки радуется. Только очень устала. Вчера могла бы оставить зверей на одну ночь и поехать в Лион на Заутреню, переночевать там, но не хватило пороку. Зато прослушала по радио всю службу из Парижа. Причём отметила силу обычая: ну чем лучше стоять во время молитвы, как у нас принято, – и ноги устают, отвлекает, – а не сидеть, как у католиков? Даже у йогов могла бы научиться. Нет, как только услышала наше пение, встала и простояла час, да ещё со свечкой в руке (если бы кто заглянул!), и впечатление было – что я со всеми “своими” (10 апреля 1988, Пасха)» [Лучшие песни, 2011, <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1732>].

Как мы видим, индивидуальная религиозность Лариссы Андерсен соединила укоренённое в русском сознании «народное православие», пантеистическое восприятие мира, Агни-йогу и практикующую йогу. При этом долгая жизнь в Китае не сформировала у впечатлительной натуры склонности к китайским религиям – Китай был «свой», «домашний». Данный пример в концентрированном виде отражает метаморфозы этнокультурной идентификации русских дальневосточных эмигрантов.

Выросшие на чужбине, дети эмиграции не только наследовали православную веру «родителей», но и их отчаянную тягу к поиску новых духовных опор. Одни, как В. Перелешин, метались между постригом и анафемой; другие, как М. Коростовец или одиозная Кш. Зороастра (она же – Изиды Орлова), ударялись в мистицизм и спиритуализм. Третьи искали практического обоснования своему религиозному синкретизму. Очевидно, что ни православие, ни «ориентализм» не стали панацеей от эмигрантской безыщности, бездомности и бесприютности в условиях дальневосточного фронта.

Библиографический список

1. «Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935)»: Международный Центр Рерихов. – М.; 2015. – С. 238.
2. «Лучшие песни мои со мной...». Из писем Лариссы Андерсен Валерию Перелешину [Электронный ресурс] / вступ. статья, публ., коммент. О.Ф. Кузнецовой // Звезда. 2011. – № 11. – URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1732> (дата обращения 8.07.2018).

3. Аблова, Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) / Н.Е. Аблова. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. – 432 с.
4. Адамова вершина [Электронный ресурс] // Словарь Брокгауза и Эфрона. – URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%90%D0%B4%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%B0> (дата обращения: 15.05.2018).
5. Андерсен, Л.Н. Корея. Сокровищница радости / Л.Н. Андерсен // Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма. – М.: Русский путь, 2006. – С. 284–287.
6. Андерсен, Л.Н. Кое-что о Пекине / Л.Н. Андерсен // Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма. – М.: Русский путь, 2006. – С. 290.
7. Андерсен, Л.Н. Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма / Л.Н. Андерсен. – М.: Русский путь, 2006. – С. 284.
8. Андерсен, Л.Н. Письмо Ю.В. Линнику от 21.09.1994. Иссанжо / Л.Н. Андерсен // Одна на мосту. – М., 2006. – С. 352–353.
9. Андерсен, Л.Н. Письмо к Ю.В. Крузенштерн-Петерец. от 4.05.1969 г., Таити / Л.Н. Андерсен // Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма. – М.: Русский путь, 2006. – С. 336–337.
10. Аргунский Н. Охотничья Пасха / Н. Аргунский // Рубеж. – 1928. – № 13. – 18 с.
11. Ачаир, А. Лаконизмы / А. Ачаир. – Харбин, 1937.
12. Байков, Н.А. В горах и лесах Маньчжурии / Н.А. Байков. – СПб., 1914. – 464 с.
13. ГАХК. Ф. 831. Оп. 1. Д. 29. Л. 36–76.
14. Дубаев, М.Л. Христианский союз молодых людей и русская эмиграция в Китае. Культурологический аспект взаимодействия русской общины с молодёжными эмигрантскими организациями (первая половина XX в.) / М.Л. Дубаев // История и современность. – 2009. – № 1. – С. 33–44.
15. Забияко, А.А. Китайская философия, регионализм, теософия: «Лаконизмы» А. Ачаира / А.А. Забияко // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 196–223.
16. Забияко, А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина / А.А. Забияко. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 447 с.
17. Забияко, А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левовшко, А.А. Хисамутдинов / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – 462 с.
18. Забияко, А.А. Спиритизм, теософия, масонство: харбинский вариант космополитизма / А.А. Забияко, К.А. Крыжанская // Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии. – Благовещенск, 2009. – С. 181–182.
19. Забияко, А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира / А.А. Забияко. – Благовещенск, 2005. – 275 с.
20. Заря. – 1929. – № 5. – С. 16.
21. Зиненко, Я.В. Как русский Харбин Крещение праздновал / Я.В. Зиненко // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: Материалы Международной научной конференции, Харбин, 16–18 июня 2018 г. / под ред. С.М. Дударенок, А.А. Забияко; отв. ред. Ли Яньлинь. – Харбин, 2018.
22. Калиберова, Т.Н. Встречи со Святославом Рерихом (из архива Лариссы Андерсен) / Т.Н. Калиберова [Электронный ресурс]. – URL: http://iimc.dvfu.ru/documents/210702/110529987VK_article10.pdf/ (дата обращения: 7.07.2016).
23. Кириллова, Е.О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов): монография / Е.О. Кириллова. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. – 276 с.
24. Конталева, Е.А. Оккультизм и мистика на страницах харбинской периодики (по материалам журнала «Рубеж») / Е.А. Конталева // Религиоведение. – 2018. – № 2. – С. 140–153.
25. Коростовец, М.П. Астролог (Рондо) / М.П. Коростовец // Оккультизм и йога. – 1973. – № 56. – С. 114.
26. Крыжанская, К.А. Опыт соприкосновения с мистическим в повседневной жизни русского Харбина (по материалам периодической печати г. Харбина 1920–1930-х гг.) / К.А. Крыжанская // Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами / под общ. ред. Л.А. Понкратовой, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. – С. 346–352.
27. Ли, И. Образ Китая в русской поэзии Харбина / И. Ли // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения: Сборник научных трудов, посвященных 60-летию проф. В.В. Агеносова. – М.: Советский спорт, 2002. – С. 271–285.

28. Михаил Волин [Электронный ресурс] / Наталья Крофтс // Единение: русская газета в Австралии (от 10.12.2014). – URL: <http://www.unification.com.au/articles/1096/> (дата обращения: 07.07.2018).
29. Перелешин, В.Ф. Два полустанка / В.Ф. Перелешин. – Амстердам, 1987.
30. Пышняк, О.Е. Валерий Перелешин как переводчик китайской классической поэзии / О.Е. Пышняк, Г.В. Эфендиева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт этнокультурного взаимодействия. – Благовещенск, 2013. – Вып. 10. – С. 256–266.
31. Росов, В.А. Белый Храм на высоких горах. Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове / В.А. Росов. – СПб.: Алетейя, 2004. – 120 с.
32. Слободчиков, В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай / В.А. Слободчиков. – М., 2005. – 432 с.
33. Упшинский, А. Иордань на Сунгари. Свыше 20 000 молящихся и до 70 купальщиков / А. Упшинский // Рубеж. – 1936. – № 5. – 26 с.
34. Хейдок, А. Звёзды Маньчжурии / А. Хейдок. – New-York, New-Syndicate, 1934. – 148 с.
35. Хисамутдинов, А.А. Ларисса – чайка изящной русской словесности (Послесловие) / Л.Н. Андерсен // Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма. – М.: Русский путь, 2006. – С. 429–437.
36. Хисамутдинов, А.А. Русские эмигранты-востоковеды в Харбине / А.А. Хисамутдинов // Известия Восточного Института. – 2013. – № 21. – С. 20–32.
37. Цмыкал, О.Е. Восток в художественном сознании Лариссы Андерсен / О.Е. Цмыкал // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – № 4. – С. 237–243.
38. Цюй, Цюбо. Публицистика разных лет / Цюй Цюбо: перевод с кит. // Главная редакция восточной литературы. – М.: Наука, 1979. – 300 с.
39. Шкуркин, П.В. Китайские легенды и предания / П.В. Шкуркин. – Харбин, 1921. – 160 с.
40. Шкуркин, П.В. Хунхузы: Этнографические рассказы / П.В. Шкуркин. – Харбин, 1924. – 138 с.
41. Эфендиева, Г.В. К истории церковной и духовной жизни русской эмиграции Дальнего Востока: из публицистического наследия Арсения Несмелова / Г.В. Эфендиева, Я.В. Зиненко // Елигиоведение. – 2015. – № 4. – С. 170–187.
42. Эфендиева, Г.В. «Рубеж» как источник этнографического знания о народах Восточной Азии / Г.В. Эфендиева, К.И. Родионова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. – Благовещенск, 2015. – Вып. 11. – С. 302–328.
43. Эфендиева, Г.В. Валерий Перелешин и его опыт стихотворного перевода древнекитайского трактата «Дао Дэ Цзин» / Г.В. Эфендиева, О.Е. Пышняк // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4. – С. 136–140.

Текст поступил в редакцию 01.08.2018.

¹ ХСМЛ (Христианский Союз Молодых Людей) – ХСМЛ, или YMCA (или YWCA – Христианский союз молодых людей), – межконфессиональная всемирная организация с центром в США. В 20-х гг. по всему миру эта организация насчитывала более 10 тысяч местных союзов YMCA, и общая численность членов ХСМЛ достигала более полутора миллионов человек. ХСМЛ был основан в 1844 г. Георгом Вильямсоном и имел своей целью улучшение религиозно-нравственного, интеллектуального, общественного и физического состояния молодых людей. ХСМЛ является хорошо организованной кооперацией молодых людей христианского, но не направления. Союз не признает в своей среде различий в вероисповеданиях, в его правление входят представители разных церквей, это делает Союз организацией общехристианской и препятствует ей принять сектантский характер. Конечной целью Союза является идея всемирного христианского объединения людей путём бескорыстного и всестороннего служения человечеству на почве развития религиозной веротерпимости, в противовес объединению под давлением догматов одной церкви – будь то католическая или православная.

² Джидду Кришнамурти – индийский философ, оратор. Среди интересующих его тем были психологическая революция, природа сознания, медитация, отношения между людьми, достижение позитивных изменений в обществе. Неоднократно подчёркивал необходимость революции сознания каждого отдельно взятого человека и особо акцентировал на том, что подобные изменения не могут быть достигнуты с помощью внешних сил – будь то религия, политика или общество.

³ Сайи Баба – неоиндуистский религиозный лидер и гуру. Почитается своими последователями как чудотворец, аватара, воплощение Бога в индуизме.

References

1. «*Dnevnik Man'chzhurskoj ekspedicii (1934–1935)*»: *Mezhdunarodnyj Centr Rerihov* [“The Diary of the Manchurian Expedition (1934–1935)”: International Center of the Roerichs]. Moscow, 2015, p. 238 (in Russian).

2. «Luchshie pesni moi so mnoj...». *Iz pisem Larissy Andersen Valeriyu Pereleshinu* [“My Best Songs are still with Me ...”. From the Letters of Larissa Andersen to Valery Pereleshin]. Available at: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1732> (accessed July, 8, 2018) (in Russian).
3. Ablova N.E. *KVZhD i rossijskaya eh migraciya v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)* [CER and Russian Emigration in China: International and Political Aspects of History (First Half of the 20th Century)]. Moscow: «Russkaya panorama», 2004, 432 p. (in Russian).
4. *Adamova vershina* [Adam's peak]. Available at: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%90%D0%B4%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%B0> (accessed May, 15, 2018) (in Russian).
5. Andersen L.N. *Odna na mostu: Stihotvoreniya. Vospominaniya. Pis'ma* [Alone on the Bridge: Poems. Memories. Letters]. Moscow: Russkij put', 2006, pp. 284–287 (in Russian).
6. Andersen L.N. *Odna na mostu: Stihotvoreniya. Vospominaniya. Pis'ma* [Alone on the Bridge: Poems. Memories. Letters]. Moscow: Russkij put', 2006, p. 290 (in Russian).
7. Andersen L.N. *Odna na mostu: Stihotvoreniya. Vospominaniya. Pis'ma* [Alone on the Bridge: Poems. Memories. Letters]. Moscow: Russkij put', 2006, pp. 284 (in Russian).
8. Andersen L.N. *Odna na mostu: Stihotvoreniya. Vospominaniya. Pis'ma* [Alone on the Bridge: Poems. Memories. Letters]. Moscow: Russkij put', 2006, pp. 352–353 (in Russian).
9. Andersen L.N. *Odna na mostu: Stihotvoreniya. Vospominaniya. Pis'ma* [Alone on the Bridge: Poems. Memories. Letters]. Moscow: Russkij put', 2006, pp. 336–337 (in Russian).
10. Andersen L.N. *Odna na mostu: Stihotvoreniya. Vospominaniya. Pis'ma* [Alone on the Bridge: Poems. Memories. Letters]. Moscow: Russkij put', 2006, pp. 429–43 (in Russian).
11. Argunskij N. *Rubezh* [Frontier]. Harbin, 1928, no. 13, 18 p. (in Russian).
12. Achair A. *Lakonizmy* [Laconisms]. Harbin, 1937 (in Russian).
13. Baikov N.A. *V gorah i lesah Man'chzhurii* [In the Mountains and Forests of Manchuria]. St. Petersburg, 1914, 464 p. (in Russian).
14. *Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraya* [State Archive of the Khabarovsk Krai]. Fund 831. Inventory 1. File 29, fols. 36–76 (in Russian).
15. Dubaev M.L. *Istoriya i sovremennost'* [History and Modernity]. Moscow, 2009, no. 1, pp. 33–44 (in Russian).
16. Zbijako A.A., Zbijako A.P., Levoshko S.S., Khisamutdinov A.A. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: Life Building Experience in the Far Eastern Frontier]. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t, 2015, 462 p. (in Russian).
17. Zbijako A.A., Zbijako A.P., Levoshko S.S., Khisamutdinov A.A. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: Life Building Experience in the Far Eastern Frontier]. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t, 2015, pp. 196–223 (in Russian).
18. Zbijako A.A. *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Harbina* [The Mentality of the Far Eastern Frontier: the Culture and Literature of Russian Harbin]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2016, 447 p. (in Russian).
19. Zbijako A.A., Kryzhanskaya K.A. *Mezh dvuh mirov: russkie pisateli v Man'chzhurii* [Between the Two Worlds: Russian Writers in Manchuria]. Blagoveshchensk, 2009, pp. 181–182 (in Russian).
20. Zbijako A.A. *Tropa sud'by Alekseya Achaira* [Path of Alexey Achair]. Blagoveshchensk, 2005, 275 p. (in Russian).
21. *Zarya* [The Dawn]. Harbin, 1929, no. 5, p. 16 (in Russian).
22. Zinenko Ya.V. *Lyubimyj Harbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Beloved Harbin – the City of Friendship Between Russia and China: Materials of the International Scientific Conference]. Harbin, 2018 (in Russian).
23. Kaliberova T.N. *Vstrechi so Svyatoslavom Rerihom (iz arhiva Larissy Andersen)* [Meetings with Svyatoslav Roerich (from the Archive of Larissa Andersen)]. Available at: http://iimc.dvfu.ru/documents/210702/110529987/VK_article10.pdf/ (accessed July, 7, 2018) (in Russian).
24. Kirillova E.O. *Oriental'nye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka (B.M. Yul'skij, N.A. Bajkov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov)* [Oriental Themes, Images, Motifs in the Literature of the Russian Diaspora of the Far East (B.M. Yul'sky, N.A. Baykov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov)]. Vladivostok: Dal'nevost. federal. un-t, 2015, 276 p. (in Russian).
25. Kontaleva E.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2018, no. 2, pp. 140–153 (in Russian).
26. Korostovets M.P. *Okkul'tizm i yoga* [Occultism and Yoga]. 1973, no. 56, p. 114 (in Russian).
27. Kryzhanskaya K.A. *Rossiya i Kitaj: social'no-ehkonomicheskoe vzaimodejstvie mezhdu stranami i prigranichnymi regionami* [Russia and China: Socio-Economic Interaction between Countries and Border Regions]. Blagoveshchensk: Izd-vo AmSU, 2011, p. 346–352 (in Russian).
28. Li I. *Russkaya literatura XX veka: Itogi i perspektivy izucheniya: Sbornik nauchnyh trudov, posvyashchennyh 60-letiyu prof. V.V. Agenosova* [Russian Literature of the 20th Century: Results and Prospects of Study: Collection of Scientific Papers on the 60th Anniversary of Prof. V.V. Agenosov]. Moscow: Sovetskij sport, 2002, pp. 271–285 (in Russian).
29. *Mikhail Volin* [Mikhail Volin]. Available at: <http://www.unification.com.au/articles/1096/> (accessed July, 7, 2018) (in Russian).
30. Pereleshin V.F. *Dva polustanka* [Two Railway Stations]. Amsterdam, 1987 (in Russian).
31. Pyshnyak O.E., Efendieva G.V. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Istoricheskij opyt ehtnokul'turnogo vzaimodejstviya* [Russia and China on the Far East. Historical Experience of Ethnocultural Interaction]. Blagoveshchensk, 2013, vol. 10, pp. 256–266 (in Russian).

32. Rosov V.A. *Belyj Hram na vysokih gorah. Ocherki o russkoj ehmigracii i sibirskom pisatele Georgii Grebenshchikove* [White Temple on the High mountains. Essays on Russian Emigration and Siberian Writer Georgy Grebenshchikov]. Saint-Petersburg: Aleteya, 2004, 120 p. (in Russian).
33. Slobodchikov V.A. *O sud'be izgnannikov pechal'noj... Harbin. Shanghai* [On the Sad Fate of the Exiles... Harbin. Shanghai]. Moscow, 2005, 432 p. (in Russian).
34. Upshinskiy A. *Rubezh* [Frontier]. Harbin, 1936, no. 5, 26 p. (in Russian).
35. Heidok A. *Zvyozdy Man'chzhurii* [The Stars of Manchuria]. New-York, New-Syndicate, 1934, 148 p. (in Russian).
36. Khisamutdinov A.A. *Izvestiya Vostochnogo Instituta* [News of the Eastern Institute]. Vladivostok, 2013, no. 21, pp. 20–32 (in Russian).
37. Tsymkal, O.E. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in the Far East]. Khabarovsk, 2018, no. 4, pp. 237–243 (in Russian).
38. Tsuj, Tsyubo. *Publicistika raznyh let* [Journalism of Different Years]. Moscow, 1979, 300 p. (in Russian).
39. Shkurkin P.V. *Kitajskie legendy i predaniya* [Chinese Legends and Traditions]. Harbin, 1921, 160 p. (in Russian).
40. Shkurkin P.V. *Etnograficheskie rasskazy* [Ethnographic Stories]. Harbin, 1924 (in Russian).
41. Efendieva G.V., Zinenko Ya.V. *Religiovedenie* [Study of the Religions]. Blagoveshchensk, 2015, no. 4, pp. 170–187 (in Russian).
42. Efendieva G.V., Rodionova K.I. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Istoricheskij opyt vzaimodejstviya kul'tur* [Russia and China on the Far East. Historical Experience of Interaction between Cultures]. Blagoveshchensk, 2015, vol. 11, pp. 302–328 (in Russian).
43. Efendieva G.V., Pyshnyak O.E. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in the Far East]. Khabarovsk, 2014, no. 4, pp. 136–140 (in Russian).